

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ В СЕМЬЕ ГЕНЕРАЛА И. Д. ПОПКО
(на материале переписки с племянником П. Кучеровским)**

*Работа представлена кафедрой историографии и источниковедения
Ставропольского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С. И. Маловичко

В статье автор обращается к проблеме взаимоотношений поколений в семейном микропространстве. Основываясь на частной переписке генерала Ивана Диомидовича Попко, К. Р. Амбарцумян попыталась выявить типичные и уникальные черты в межпоколенных связях этой семьи. На примере его отношений с племянником, Петром Кучеровским, она показывает, как личностные качества фигурантов, специфика отдельного семейного пространства могут оказывать влияние на содержание связи представителей двух поколений.

Ключевые слова: *история семьи, микроистория, повседневность, социальная история.*

К. Ambartsumyan

**INTERGENERATION RELATIONS IN THE FAMILY OF GENERAL I. D. POPKO
(based on the correspondence with nephew P. Kucherovsky)**

The author of the article considers the problem of relationship of generations in a family microspace. Basing on the private correspondence of General Ivan Popko, the author tries to find out typical and unique features in mutual relations in General's family. Through the example of the interrelation of Ivan Popko and his nephew,

she exposes the content of intergeneration relationships, which were formed by individual features and peculiarities of the separate family area.

Key words: *family history, microhistory, daily routine, social history.*

В зарубежной и отечественной историографии проблема межпоколенных взаимоотношений рассматривается в контексте субдисциплин новой социальной истории, главным образом, истории семьи. Как отдельное направление история семьи не имеет четких контуров в исследовательских практиках российских историков, хотя так или иначе отдельные аспекты внутрисемейных отношений ими затрагиваются. Значительных успехов достигли в этом направлении представители гендерной истории. Подтверждением тому служат публикации по семейной тематике на страницах альманаха «Адам и Ева». В 2008 г. вышел специальный выпуск альманаха интеллектуальной истории «Диалог со временем», целиком посвященный изучению брака и семьи в контексте гендерной истории. Ряд статей номера связан с проблемой взаимоотношений представителей разных поколений, так, В. А. Веремenco, Ю. П. Крылова, А. Б. Герштейн напрямую обращаются к проблеме отцов и детей [1; 5; 6].

Интерес к этой сфере внутрисемейных отношений вполне обоснован. Несмотря на свою включенность в разные макроструктуры социума, семья – не менее сложный организм, нежели эти образования. Как межличностное объединение семья существует не за счет внешних обстоятельств (как бы принуждающих жить вместе), не благодаря привычке или инерции, а исключительно из-за внутренних сил сцепления [8, с. 251]. И это касается не только связи между создателями этой микроструктуры, но и другими формами взаимосвязи.

Взаимоотношения поколений внутри семьи – также одно из направлений действия этих сил. Изменение внутрисемейного пространства в различные исторические эпохи связано с изменением механизмов взаимодействия поколений, представлений в обществе о его нормах. В свою очередь качественное содержание внутрисемейного про-

странства детерминировалось содержанием межпоколенных связей. Восприятие старших младшими, и наоборот, предъявляемые друг другу требования, воспитательные практики – все это отдельные аспекты этого взаимодействия. Характер этих взаимодействий определяется социальной принадлежностью, временным и территориальным контекстами и, конечно, личностными качествами фигурантов.

Плодотворно изучение этих взаимоотношений в русле новой локальной истории и микроисторического подхода, когда исследователь имеет возможность увидеть не только типичное, но и индивидуальное в отдельно взятом внутрисемейном пространстве. Решение подобной исследовательской задачи осложнено ограниченным количеством источников личного происхождения, связанных с жизнью рядового обывателя. Безусловно, было бы несправедливо заявлять об их полном отсутствии, но имеющаяся в распоряжении исследователей переписка, мемуары связаны с историей известных семей, отдельные представители которых оставили сколь-нибудь заметный след в истории региона. Как правило, в исторических трудах подробно освещена публичная сторона их жизни, которая имеет значение для истории. Частная жизнь при этом практически не затронута, хотя характеристика отдельного исторического персонажа была бы более полной, если рассмотреть его в кругу семьи, разумеется, если имеющаяся источниковая база позволяет это сделать. Этот аспект отражен лучше в частных письмах. Так, в Государственном архиве Ставропольского края среди материалов фонда, целиком посвященного военному историку, писателю, генералу Кубанского казачьего войска, губернскому предводителю дворянства в Кубанской, Терской областях и в Ставропольской губернии Ивану Диомидовичу Попко (1819–1893 гг.), имеются дела с личной перепиской, в том числе внутрисе-

мейной. В основном это письма его племянников, есть письма отца и сестер.

В этом эпистолярном комплексе наиболее представлены письма его племянника Петра Кучеровского – юноши с событийно насыщенной биографией. В период, фиксируемый перепиской (1876–1888 гг.), он успел окончить гимназию, поступить на юридический факультет Петербургского университета, попасть там в неприятную ситуацию (из материалов не ясно, в чем ее суть) и после этого поступить в Харьковский медицинский университет.

Ценность источника вытекает из отсутствия непосредственного общения родственников, поэтому письмо было главным средством коммуникации, поддержания хороших отношений, передачи необходимой информации. В полной мере это относится к письмам Петра Кучеровского, который имел минимальное количество контактов с дядей по причине проживания в разных городах. Хронологические рамки писем включают обучение Пети в гимназии и университетах, как раз в тот период, когда его зависимость от дяди была несомненна и носила главным образом денежный характер. Об этом красноречиво говорят все его послания, и практически в каждом из них он просил у Ивана Демидовича финансовой поддержки. Большая часть писем Петра Кучеровского, адресованных дяде, основана на описаниях свершившихся и планируемых покупок. Безусловно, меркантильные устремления племянника имели место, но не только они лежали в основе тесной связи с Иваном Демидовичем. И. П. Попко и Петр Кучеровский являют нам особое распределение семейных ролей. Своеобразие отношений Ивана Демидовича и Петра в том, что они могут быть идентифицированы скорее как отношения отца и сына, нежели дяди и племянника, потому что покровительство, оказываемое ему И. Д. Попко, в полной мере может быть названо родительским.

Петя не входил, но был близок отдельной группе детей в дворянских семьях, кото-

рую составляли воспитанники. Их среда была неоднородна по составу. В нее входили дальние и близкие родственники, как правило, сироты, иногда даже подкидыши, незаконные дети отца [1, с. 191]. Он не жил в семье Ивана Демидовича, и в то же время дядя проявлял отцовскую заинтересованность в судьбе племянника. В свою очередь Петр старался его не разочаровывать. Отчетливо это стремление угадывается в ранних письмах, когда он еще был гимназистом. В одном из писем 1876 г., накануне Пасхи, «вместо красного яйца», выслал свои оценки за январь, февраль и март [3, л. 18]. Таким способом ребенок предварил просьбу о денежном вливании, а именно, Петр попросил средств для покупки струн для скрипки [3, л. 18]. Кроме того, все расходы, отраженные в письмах, были целевыми, запланированными. Он заранее писал, на что ему требуются средства.

Письма Петра Кучеровского имеют специфическое интонационное содержание. С одной стороны, он очень вежливо просил, понимая, что Иван Демидович не обязан его содержать, в некоторых письмах он буквально умолял о поддержке: «...очень даже прошу, не забывают меня и помогайте пока. За что я Вам буду обязан всегда и постараюсь оправдать как свои, так и Ваши надежды на меня. В надежде на Вас остаюсь любящий Вас Петр Кучеровский» [2, л. 21об]. В письме из Харькова, где Петр получал в университете медицинское образование (1884), он писал: «Большое спасибо Вам, милый дядя, за Вашу чисто отеческую заботу обо мне. Бог Вас за это наградит, я буду век помнить Вас, милый дядя, который материально способствует юноше в его науках» [2, л. 29]. Далее следует рассуждение о нравственном падении студента, не обеспеченного до такой степени, что он «негодным становится для труда им начатого», а потом или пулю в лоб себе пускает, или начинает решать судьбу государства.

В то же время Петр как представитель младшего поколения имел определенные

претензии к дяде и полагал, что тот должен делать вложения в его будущее. Поэтому из письма в письмо переходят просьбы о необходимости оплаты за лекции, покупки новой одежды, приобретения медицинских изданий, внесения платы за квартиру. Все его просьбы чрезвычайно вежливы, но вполне естественны для просящего, который воспринимает помощь как должное, как выгодную инвестицию. Гарантировать стабильное и перспективное будущее могли родители или люди, их заменяющие. Таким образом, дядя должен был организовать будущее Петра Кучеровского. Для молодого человека это значило получение профессиональных навыков, а в дальнейшем получение хорошего места.

Конец 60-х – первая половина 70-х гг. XIX в. ознаменовалась серьезным кризисом во взаимоотношениях поколений в дворянской среде. Суть его – в попытке молодежи освободиться от родительского покровительства [1, с. 192, 193]. Петр в этом отношении не принадлежал к крайне нигилистической молодежи, но предпринимал попытки ослабить связи с семьей. Здесь подразумевается не сам Иван Демидович, а его сестра – мать Петра Кучеровского – Анна. Из материалов переписки следует, что визиты домой были крайне редкими и совершались с большой неохотой. В одном из писем уже 1887 г. он с раздражением писал Ивану Демидовичу об излишнем «чадолюбии» матери: «... поэтому посягательства ее на мои решения всегда могут предугаданными быть, особенно относительно препровождения времени свободного от лекций...» В итоге он заявил, что домой не поедет, останется в Харькове или приедет к дяде [34, л. 149]. И это поведение вряд ли можно объяснить изменением ценностных ориентаций юноши, скорее всего, он просто по какой-то причине, возможно, из-за крайней степени бедности семьи, стремился вырваться из нее. С одной стороны, он пытался позиционировать себя как человека самостоятельно действующего, как зрелого мужчину, но с другой – его зависимость от

Ивана Демидовича не позволяла ему до конца таковым себя почувствовать. Такая двойственность в сознании выливалась в конфликты с дядей.

Дуализм поведения и сознания Петра Кучеровского очень хорошо передают некоторые его письма, нарратив которых так же противоречив, как и ценностные ориентации автора. В этом отношении очень показательно письмо от 3 декабря 1886 г. Его предыстория такова: в 1886 г. между племянником и дядей произошел конфликт. Его причиной стало письмо Петра, которое вывело Ивана Демидовича из состояния равновесия настолько, что тот был готов лишиться племянника денежного довольствия. Понятно, что вопрос касался отношений с матерью и поездки домой, о которой мать и сестра неоднократно просили. Пытаясь примириться с дядей, он писал о том, что его всегда раздражали «маменькины сынки», что он терпеть не может «материнских ласк» [2, л. 121]. И эта первая половина письма являет нам твердость характера и стойкость в убеждениях со стороны автора. Совершенно иную эмоциональную окраску мы наблюдаем в продолжении, в котором он вынужден умолять о прощении: «...Вы даже намереваетесь лишиться меня стипендиума и бросить как раз на середине моего тернистого и ухабистого пути на произвол судьбы совершенно несчастного. Умоляю Вас, милый дядя, не делайте этого, что я буду делать, как я буду жить эти два с половиной года?! Тем более что они так полны работою, которая настолько интересна, что переход от нее к другой равняется переходу от сладкого к горькому» [2, л. 122]. Эти две крайности объясняются устремлениями к большей свободе, которые ограничиваются традиционным подчинением воле старшего. Следует учесть и денежную составляющую отношений Пети и дяди, от которого полностью зависела его будущая карьера.

Как представителя младшего поколения Петра Кучеровского сложно оценить однозначно. В отношениях с дядей он консерва-

тивно покорен: «...я всегда считал и считаю, и до конца моих дней буду считать всякое малейшее Ваше желание святыней для себя, оспорить которое было бы слишком уж дерзостно» [4, л. 121]. При этом довольно сложно складывались отношения с матерью, доказательством тому – крайне редкие визиты домой. В одном из своих писем его сестра Антонина попросила Ивана Диомидовича написать Петру, чтобы он приехал домой, так как мать очень хотела его видеть [4, л. 119]. Следовательно, в двух разных ситуациях Петя вел себя диаметрально противоположно: не прислушиваясь к просьбам матери, он беспрекословно следовал рекомендациям дяди.

Личность Ивана Диомидовича Попко как представителя старшего поколения в конкретной семье неоднозначна. Он является носителем как традиционных, так и новых черт. Бесспорно, что он абсолютный авторитет для племянника. Петя, будучи гимназистом, делился с ним своими размышлениями, планами, не принимал самостоятельных решений. Увлекаясь игрой на скрипке, он советовался с дядей стоит ли ему пытаться поступать в Московскую консерваторию [3, л. 12]. В другом письме он спрашивал мнения о горном институте [40, л. 1]. Кроме того, упоминается и перспектива военной карьеры [4, л. 14]. Для него было важно получить одобрение со стороны дяди. И в последующие, уже студенческие, годы он руководствовался мнением Ивана Демидовича. Со своей стороны, И. Д. Попко требовал отчета за потраченные деньги, контролировал учебный процесс. Так в одном из писем Петя писал: «Ольга Дмитриевна пишет, что Вы огорчены на меня за то, что будто бы я не отдал отчета Вам в немецких уроках, на которые Вы мне зимой прислали 15 р.» [4, л. 14 об.].

В то же время он был носителем черт «новых идейных родителей» [1, с. 194]. Суть таких отношений в том, что дети не готовились к определенной деятельности, а выбирали то, что им интересно, родители к их мнению прислушивались. И судя по исканиям Петра, он имел возможность выбирать

вид занятий и даже проявлял при этом инициативу. Смягчение нравов, предоставление большей свободы при самоопределении детям – все это явления второй половины XIX в., которые влияли на содержание отношений И. Д. Попко и Петра Кучеровского. При этом не стоит забывать о личном опыте Ивана Диомидовича, который в свое время был оставлен отцом без средств к существованию за нежелание связывать свою жизнь со служением Богу, по примеру отца и двух братьев [7]. Возможно, поэтому, пережив ряд невзгод и лишений, он был более лоялен в отношениях с племянником.

Отношения Ивана Диомидовича и Пети не были гладкими, возникали конфликты, об одном из них уже шла речь. Петр был юношей не совсем прилежного поведения. Так, из письма от 20 октября 1882 г. становится известно, как в какой-то беседе Иван Диомидович назвал племянника шалопаем, который «поехав в Питер, не кончит и курса, будет там шляться» [4, л. 14], что и случилось в дальнейшем, так как в Петербурге Петр проучился не больше года. В тот момент он был оскорблен подобным недоверием со стороны дяди, о чем уверенно в этом письме заявил. Кроме защиты чести, наблюдается стремление к самостоятельности, вернее к максимальной независимости своих достижений: «...ведь я никогда не просил у Вас рекомендаций или протекции, а добивался сам» [4, л. 15]. Как для представителя нового поколения для него был важен его собственный вклад в его будущие достижения. Иван Диомидович для него в этом процессе – «человек, который помогает материально» ему, «старающемуся приобрести себе карьеру, но самостоятельно не могущему, так как материально не обеспечен» [4, л. 15]. И даже от этого он был готов отказаться и начать самостоятельно добывать деньги, если для дяди его содержание обременительно, и подобным образом он пытается отказать ему в помощи.

Весь эпистолярный материал свидетельствует о прочных внутрисемейных связях.

Иван Диомидович, будучи состоятельным, имея стабильное социальное положение в обществе, поддерживал остальных родственников. Об этом свидетельствуют многочисленные письма с просьбами и благодарностями. Эта поддержка оказывала существенное влияние на содержание межпоколенных связей с некоторыми членами семьи.

Таким образом, взаимоотношения Петра Кучеровского и Ивана Демидовича Попко сочетали в себе наряду с традицией новые веяния, смягчавшие патриархальность

общения между представителями двух поколений, что было свойственно многим семьям в пореформенный период. Разумеется, следует принимать во внимание индивидуальные моменты, присущие только этой семье. Они обуславливались личностными качествами ее участников: меркантильности Петра, которая подчиняла его авторитету дяди и ослабляла связи с матерью. С другой стороны, присутствовала легкомысленность натуры, которая иногда приводила к конфликтам с дядей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веретенко В. А.* Взаимоотношения родителей и детей в дворянских семьях России. Вторая половина XIX – начало XX вв.: этапы эволюции // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Специальный выпуск: Брак и семья в контексте гендерной истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 400 с.
2. ГАСК. Ф. 377. Оп 1. Д. 34.
3. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 16.
4. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 40.
5. *Герштейн А. Б.* Правитель как «скорбящий отец»: символика плача Фридриха II // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Специальный выпуск: Брак и семья в контексте гендерной истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 400 с.
6. *Крылова Ю. П.* В семейном кругу: королевские поучения детям в средневековой Франции // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Специальный выпуск: Брак и семья в контексте гендерной истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 400 с.
7. Попко Иван Диомидович. URL: http://history.mytimes.ru/list3_a483.html
8. Социология семьи / под общ. ред. А. И. Антонова. М.: Инфра-М, 2009. 640 с.

REFERENCES

1. *Veretenko V. A.* Vzaimootnosheniya roditeley i detey v dvoryanskikh sem'yakh Rossii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.: etapy evolyutsii // Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii. Spetsial'ny vypusk: Brak i sem'ya v kontekste gendernoy istorii. M.: Izd-vo LKI, 2008. 400 s.
2. GASK. F. 377. Op 1. D. 34.
3. GASK. F. 377. Op. 1. D. 16.
4. GASK. F. 377. Op. 1. D. 40.
5. *Gershteyn A. B.* Pravitel' kak «skorbyashchiy otets»: simbolika placha Fridrikha II // Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii. Spetsial'ny vypusk: Brak i sem'ya v kontekste gendernoy istorii. M.: Izd-vo LKI, 2008. 400 s.
6. *Krylova Yu. P.* V semeynom krugu: korolevskiye poucheniya detyam v srednevekovoy Frantsii // Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii. Spetsial'ny vypusk: Brak i sem'ya v kontekste gendernoy istorii. M.: Izd-vo LKI, 2008. 400 s.
7. Popko Ivan Diomidovich. URL: http://history.mytimes.ru/list3_a483.html
8. Sotsiologiya sem'i / pod obshch. red. A. I. Antonova. M.: Infra-M, 2009. 640 s.